

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-461-481

Научная статья

Применение цифровых технологий в судопроизводстве и внесудебном урегулировании споров

Д.А. Добряков*, И. Каса, Ю.В. Сухоставская

Российский университет дружбы народов,

г. Москва, Российская Федерация,

*den-dobryakov@yandex.ru

Аннотация. К настоящему времени «цифровизация» окончательно вытеснила более общие «модернизацию» и «инновации» как из политического лексикона, так и из научной повестки. Трудно сказать, сколько этот тренд будет сохраняться и какое социально-технологическое явление придет ему на смену. Это может быть «кибернизация», в рамках которой человек начнет приводить себя в соответствие с канонами научно-фантастического cyberpunk'а и совмещать в своем теле биологическое с технологическим (и заодно цифровым), или наоборот какая-нибудь реакционная «натурализация». Так или иначе, сейчас повсеместное внедрение цифровых технологий представляет собой бесспорный и очевидный факт. И данный процесс касается всех сфер жизнедеятельности общества, не обходя стороной судопроизводство и внесудебное урегулирование споров, которые могут быть существенно усовершенствованы при помощи применения цифровых технологий. В данной статье проводится анализ практики и законодательной регламентации применения цифровых технологий в различных формах судопроизводства и таких видах внесудебного урегулирования споров, как арбитраж и медиация. При помощи сравнительно-правового метода рассматриваются российское и зарубежное законодательство, а также подходы к определению допустимых пределов применения цифровых технологий, в том числе их «интеллектуальной» разновидности, формулируются отдельные предложения по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: судопроизводство, внесудебное урегулирование споров, арбитраж, медиация, цифровые технологии, цифровизация, искусственный интеллект

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Добряков Д.А. — общий обзор, цифровые технологии в судопроизводстве, сведение и редакция текста; Каса И. — цифровые технологии в арбитраже; Сухоставская Ю.В. — цифровые технологии в медиации; все авторы в равной степени — введение и заключение.

Дата поступления в редакцию: 21 июля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2021 г.

Для цитирования:

Добряков Д.А., Каса И., Сухоставская Ю.В. Применение цифровых технологий в судопроизводстве и внесудебном урегулировании споров // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 461—481. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-461-481

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-461-481

Research Article

Application of digital technologies in litigation and dispute resolution

Denis A. Dobryakov*, **Ilda Kasa**, **Yuliia V. Sukhostavskaya**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation,
*den-dobryakov@yandex.ru

Abstract. By now (we mean 2020) “digitalization” has completely replaced the more general “modernization” and “innovation” from both the political vocabulary and the sci-entific agenda. It is difficult to say how long this trend will continue and what kind of socio-technological phenomenon will replace it. It can be “cyberization”, within which a person will begin to bring himself into line with the canons of the sci-fi cyberpunk’s and combine biological with technological (and digital at the same time) in his body, or vice versa, some kind of reactionary “naturalization”. Anyway, now the widespread adoption of digital technology is an indisputable and obvious fact. And this process applies to all spheres of society’s life, without bypassing legal proceedings and out-of-court settlement of disputes (or in other words — alternative dispute resolution), which can be significantly improved using digital technologies. This article analyses the practice and legislative regulation of the use of digital technologies in various forms of legal proceedings and such types of out-of-court dispute resolution as arbitration and mediation. Comparative legal method allowed to compare Russian and foreign legislations as well as approaches to determining the permissible limits of the use of digital technologies, including their “intellectual” variety. Individual proposals have been formulated to improve Russian legislation.

Key words: litigation, dispute resolution, arbitration, mediation, digital technology, digitalization, artificial intelligence

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

The participation of the authors: Dobryakov D.A. — general overview, use of digital technologies in legal proceedings, combination and editing of text; Kasa I. — use of digital technologies in arbitration; Sukhostavskaya Yu.V. — use of digital technologies in mediation; all authors equally — introduction and conclusion.

Article received 21st July 2020

Article accepted 15th April 2021

For citation:

Dobryakov, D.A., Kasa, I., Sukhostavskaya, Yu.V. (2021) Application of digital technologies in litigation and dispute resolution. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 461—481. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-461-481

Введение

Цифровизация как процесс может идти по нескольким направлениям. С одной стороны, это использование человеком компьютерных технологий как

инструментов, призванных облегчить решение тех или иных задач, как некогда калькулятор упростил математические вычисления. Такая цифровизация не исключает человека-оператора и не предполагает его устранение от необходимости принятия решений.

С другой стороны, цифровизация может состоять и в создании интеллектуальных систем (как виртуальных, т. е. представляющих собой некое программное обеспечение, действующее в цифровой среде, так и вполне материальных, «овеществленных» — например, роботизированных), способных не только помогать человеку, но и заменить его, дополняя естественный (иначе говоря, «биологический») человеческий интеллект искусственным. Следует отметить, что интеллект сам по себе понимается как способность достигать сложных целей, а искусственный интеллект (здесь и далее — ИИ), в свою очередь, представляет собой «небиологический интеллект» (Tegmark, 2017:39). Если говорить более конкретно, ИИ — это система методов и средств компьютерного решения интеллектуальных задач (как то: визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений и перевод на различные языки и проч.), обычно решаемых человеком¹.

При этом человеческий интеллект есть нечто многогранное и едва ли поддающееся измерению по какой-то универсальной шкале (хотя общеизвестна практика определения уровня развития интеллекта при помощи IQ тестов и прочих средств), поскольку он неоднороден и состоит как минимум из эмоционального, вербального, пространственного, логического, художественного, социального и других элементов. В то же время в ИИ подобные элементы обычно не выделяются, а его оценка производится, как правило, с двух точек зрения — научной и практической.

С научной точки зрения ИИ сравнивается с человеческим интеллектом, поэтому он будет считаться тем совершеннее, чем точнее окажется способен подражать естественному мышлению человека. Соответственно, и развитие ИИ при таком подходе состоит в имитации человеческого интеллекта на основе исследования и искусственного воспроизведения его механизмов. В то же время с практической точки зрения критерием совершенства ИИ является его способность решать конкретные задачи так же хорошо или даже лучше, чем человек, т. е. в данном случае «человекоподобность» мышления не оценивается, а значение имеет лишь его эффективность (Mitchell, 2019).

Первый вариант цифровизации (т. е. применение цифровых технологий в помощь человеку) довольно давно и достаточно активно внедряется — трудно найти области общественных отношений, где еще не применяются компьютерные технологии и технические средства в виде собственно стационарных и мобильных персональных компьютеров, других разновидностей стационарных и мобильных устройств, а также специального программного обеспечения. Интеллектуальные средства, содействующие принятию решений человеком или даже выполняющие те или иные операции самостоятельно, встречаются реже, хотя и

¹ Осипов, Г.С., Величковский, Б.М. Искусственный интеллект // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/mathematics/text/2022537> (дата обращения: 30.03.2020); English Oxford Living Dictionaries. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/artificial_intelligence [Accessed 30th March 2020].

здесь также можно заметить существенные достижения во множестве областей. «Умные системы» применяются в прогнозировании финансовых рисков, медицинском диагностировании, обеспечении информационной безопасности и проч.

Цифровой прогресс не обходит стороной и право, которое, несмотря на свою консервативность (Vaganov, 2019: 64) и неизменное стремление урегулировать общественные отношения *postfactum*², постепенно меняется вследствие внедрения цифровых технологий. Говоря о соответствующих изменениях в обеспечении правосудия и внесудебного разрешения споров, можно в качестве примера привести так называемое «электронное правосудие», которое дает возможность подачи и регистрации исковых заявлений и других документов в электронном виде (без обязательной личной явки в суд с многочасовым ожиданием своей очереди, например, в канцелярию), представления и исследования электронных доказательств, систематизации и каталогизации судебных дел с минимальным участием человека на базе автоматизированного программного обеспечения и проч. Перечисленные проявления электронного правосудия, в некоторых странах являющиеся совершенно обыденными, безусловно, имеют цифровую природу, но они, как правило, не задействуют весь потенциал современных цифровых технологий и в особенности ИИ, в связи с чем гипотетически могут рассматриваться и более радикальные новшества, предполагающие в частности замену (как минимум — частичную) судей и представителей сторон «электронными юристами».

Активно применяется и программное обеспечение, ориентированное на помощь пользователям в решении тех или иных юридических задач — от составления документов (исковых заявлений, договоров и проч.) до определения правовой позиции по делу. Это программное обеспечение может быть предназначено как для неспециалистов (для которых оно становится спасительным и позволяет не только сэкономить на юридических услугах, но и лучше разобраться в хитросплетениях законодательства и его применения (Thompson, 2015)), так и для юристов. Например, в 2017 г. в Российской Федерации была разработана аналитическая система «Сутяжник», анонсированная как «автоматизированный сервис по подбору судебной практики, соответствующей содержанию и тематике загруженных документов»³, притом сервис самообучающийся и использующий *big data*, т. е. его в некотором смысле можно отнести к числу цифровых технологий, основанных на возможностях ИИ, но в действительности это скорее система условно «умного» поиска и подбора материалов по тегам — грамотно сформулированный запрос в поисковой строке справочной правовой системы дает близкий к выдаче «Сутяжника» результат, хотя и не предоставляет аналитику в виде статистически обусловленной вероятности успеха в суде. Также нельзя не упомянуть и справочные правовые системы, как, например, «КонсультантПлюс»

² Как, например, это имело место с криптовалютами — вместо универсализации норм правового регулирования рынка платежных инструментов законодатели разных стран попытались создать новую нормативную основу для криптовалют. Но пока в этом направлении велась трудоемкая работа, ажиотаж спал, а значение «старых» криптовалют вроде Bitcoin и Ethereum стало не то чтобы снижаться, но уж точно не заслуживать столь пристального внимания.

³ См.: Аналитическая система «Сутяжник». Режим доступа: <https://sutyazhnik.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

и «Гарант», которыми в своей профессиональной и повседневной деятельности могут пользоваться все желающие и благодаря которым работа с нормативными правовыми актами и справочной информацией в настоящее время проста и не требует ничего, кроме подключения к Интернету (и платной подписки на дополнительные сервисы, но это уже отдельный вопрос).

Цифровые технологии в судопроизводстве

Но по большей части в судопроизводстве используются именно неинтеллектуальные цифровые технологии или технологии, чей ИИ достаточно прост, поскольку сервисы поиска и работы с данными самостоятельно выполняют задачу по подбору источников и прочих материалов, но такая задача относится к рутинному типу работы, тогда как вся «творческая» составляющая интеллектуальной деятельности по-прежнему нераздельно находится в ведении человека (как, впрочем, и формулирование правильного запроса, без которого результат «интеллектуального» поиска будет неудовлетворительным).

«Цифровая» реформа в российском судопроизводстве произошла в 2016 г., когда был принят Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ⁴, внесший существенные изменения в процессуальное законодательство. Так, в гражданском судопроизводстве предусмотрено право подачи искового заявления, жалобы и иных документов в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью (п. 1.1 ст. 3 ГПК РФ), т. е. заявитель (истец или любое другое лицо) может выбрать более подходящий для него формат обращения в суд и каждый из предусмотренных законом вариантов может рассматриваться как равнозначный. То же касается и судебных постановлений, которые (вне зависимости от их формы) могут выполняться в виде электронного документа, если в них не содержатся сведения, составляющие охраняемую законом тайну, правда они в любом случае дублируются на бумажном носителе (п. 1 ст. 13 ГПК РФ).

Электронные документы, подписанные электронной подписью, признаются гражданским процессуальным законодательством в качестве письменных доказательств наравне с «традиционными» бумажными и иными документами, причем их следует считать подлинными и представление их на бумажном носителе в суд не требуется (суд может потребовать представления в суд подлинников копий документов, поданных в электронном виде; п. 1, 2 ст. 71 ГПК РФ), поскольку электронный документ изначально создается в электронной форме и не предполагает предварительное документирование на бумажном носителе⁵.

В общих чертах описанный порядок электронного документооборота имеет место также и в арбитражном и административном судопроизводствах

⁴ Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // «Собрание законодательства РФ», 27.06.2016, № 26 (Часть 1), ст. 3889.

⁵ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // «Бюллетень актов по судебной системе» от 24 февраля 2017 г., № 2.

(п. 7 ст. 4 АПК РФ и п. 2 ст. 45 КАС РФ и проч.), и постепенно электронный документооборот все чаще встречается на практике. 17 января 2019 г. суммарное число «электронных» исков, поданных в суды общей юрисдикции через ГАС «Правосудие»⁶, превысило один миллион, причем в 2018 г. таких исков было подано вдвое больше, чем в 2017 г. (695,5 тысяч против 283 тысяч соответственно)⁷. Но на фоне общих показателей распространенность электронного документооборота в судопроизводстве до настоящего времени невелика — для оценки его масштаба достаточно указать, что в том же 2018 г. в рамках одного только гражданского судопроизводства (а миллион электронных исков был подан не только по гражданско-правовым спорам, а в суды общей юрисдикции вообще) судами было получено более 17 миллионов дел⁸. Однако, как представляется, это лишь вопрос времени, когда электронный документооборот вытеснит большую часть традиционных форм делопроизводства из гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Несколько иначе ситуация обстоит в уголовном судопроизводстве. В 2016 г. уголовно-процессуальное законодательство так же было дополнено положением о порядке использования электронных документов, в соответствии с которым ходатайство, заявление, жалоба и представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа с электронной подписью лица, направляющего такой документ (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ), а судебное решение (если оно не содержит сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних и не вынесено по делу о преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы личности) может быть изготовлено в виде электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью, но, как и в других судопроизводствах, решение дублируется на бумажном носителе (ч. 2 ст. 471.1 УПК РФ). Этим электронный документооборот в уголовном судопроизводстве, в общем-то, и ограничивается.

В уголовном судопроизводстве представлены и активно используются электронные доказательства, но субъекты правоприменения их всячески овеществляют, привязывая к носителю информации, либо описывая в формализованном «бумажном» документе (например, протоколе или «расшифровке»), который и приобщается к уголовному делу (Baranov, 2019:65). И хотя вполне очевидно, что в любом доказательстве более значима не конкретная форма его выражения, а информативность, информативная составляющая электронных доказательств отходит на второй план, тогда как их природа, допустимые пределы применения, достоинства и недостатки до настоящего времени являются предметом доктринальных исследований (Pastukhov, 2015:149—153; Voronin,

⁶ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». Режим доступа: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

⁷ Миллион исков в электронном виде подано в федеральные суды общей юрисдикции через ГАС «Правосудие» // ФГБУ ИАЦ Судебного департамента. Режим доступа: <http://iac.cdep.ru/index.php?id=9&item=210> (дата обращения: 20.04.2020).

⁸ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2018 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F3-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 20.04.2020).

2019:74—84). Поэтому, например, аудио- или видеозапись анализируется судьей при рассмотрении конкретного дела опосредованно через ее текстовое описание, которое вполне может оказаться небезупречным с точки зрения точности и, следовательно, достоверности пересказом, а не стенограммой.

То же касается и обращений в правоохранительные органы, служащих, помимо прочего, одним из оснований возбуждения уголовного дела — законодательством допускается подача электронного обращения (любого, а не только заявления о преступлении), которое не рассматривается как документ, а распечатывается на бумаге и лишь после этого поступает в работу, причем это не всегда означает его официальное принятие и регистрацию как сообщения о преступлении (Voskobitova, 2019:91—104).

Одной из тенденций развития уголовного судопроизводства в зарубежных странах является переход на электронные уголовные дела, что предполагает выполнение всех (или хотя бы большинства) процессуальных документов по делу в электронном виде без обязательного изготовления «бумажного оригинала». Ведение уголовных дел полностью в электронном виде нередко считается высшей точкой цифровизации уголовного судопроизводства, и многие страны либо стремятся к этому (как, например, США и Канада, а также некоторые страны Европы), либо уже достигли этого, отказавшись от традиционного делопроизводства. Пятнадцать лет назад в Бельгии была введена практика ведения уголовного дела в виде электронного файла, который в ходе расследования мог дополняться как полицией и судом, так и адвокатом, а в Саудовской Аравии внедрение электронных уголовных дел позволило сократить сроки расследования на 80 % (Zuyev, 2018:6—7).

При этом следует отметить, что идея простого перевода российской системы уголовного судопроизводства в электронную форму вызывает справедливую критику (Alexandrov, 2018:24—34), поскольку эта сама по себе эта система видится достаточно архаичной (прежде всего, за счет существующего института предварительного расследования (Vlasova, 2018)) и она едва ли способна эффективно функционировать в современном мире без радикального преобразования (одним из направлений которого может быть и полное упразднение все того же института предварительного расследования с переходом к состязательной модели правосудия (Alexandrov, 2018:135—136)). Впрочем, полный перевод документооборота в электронный формат даже в условиях действующей регламентации уголовного судопроизводства (лишь с минимальными изменениями в законодательстве, необходимыми для легитимации такого перевода) может существенно снизить нагрузку на органы предварительного расследования, суд и остальных участников процесса.

Во всех видах судопроизводства в той или иной степени используется и другая разновидность цифровых технологий, а именно — видеоконференц-связь (известная российскому правосудию с 1999 г., когда данная технология была впервые применена при рассмотрении уголовного дела в Челябинском областном суде⁹). Например, в гражданском процессе объяснения сторон и третьих лиц,

⁹ Исполнилось 10 лет технологии видеоконференц-связи в российском правосудии // Челябинский областной суд. Режим доступа: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=news&nid=566> (дата обращения: 25.04.2020).

а также показания свидетелей могут быть получены посредством использования видеоконференц-связи, и сведения, содержащиеся в таких объяснениях и показаниях, будут сочтены судом обычными доказательствами (п. 1 ст. 55 ГПК РФ). Однако закон предусматривает неоднозначное требование к порядку использования видеоконференц-связи, в соответствии с которым лица, участвующие в деле, их представители, свидетели, эксперты, специалисты и переводчики должны использовать системы видеоконференц-связи судов по месту их жительства, пребывания или назначения (п. 2 ст. 155.1 ГПК РФ). Такой подход законодателя можно объяснить необходимостью проверить явку и установить личность участников процесса, что входит в обязанности суда, обеспечивающего их участие в судебном заседании, который также берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за нарушение последних (п. 3 ст. 155.1 ГПК РФ). Однако описанная процедура представляет определенное удобство для участников судебного заседания (освобождая их от необходимости очной явки в другой регион и проч.), но не упрощает само судопроизводство и приводит к дополнительной нагрузке на суды по месту жительства участника процесса. Вместе с тем участие в судебном заседании можно было бы осуществлять и из дома, предусмотрев все необходимые процедуры идентификации личности участника процесса и верификации его документов через ГАС «Правосудие» или Единый портал государственных услуг и функций «Госуслуги», что было бы гораздо проще, удобнее и, разумеется, дешевле организовать.

Все изложенные примеры применения цифровых технологий в судопроизводстве в общих чертах сводятся к использованию при отправлении правосудия определенных технических средств обработки данных, что можно с некоторой долей допущения назвать электронным правосудием, но только в узком смысле (Valeev & Nuriev, 2019:474). В широком смысле электронное правосудие, как представляется, должно задействовать цифровые технологии комплексно и в большей степени опираться на их интеллектуальные возможности. Применение интеллектуальных и не столько автоматизированных, а быть может даже отчасти автономных цифровых систем могло бы содействовать решению ряда важных и тесно связанных между собой проблем, наиболее очевидных (и многочисленных) в уголовном судопроизводстве. Среди таких проблем, которые мы далее кратко рассмотрим, можно выделить широкое судебское усмотрение при назначении вида и меры наказания за конкретное преступление, качественные характеристики судебного корпуса и резкий обвинительный уклон при вынесении приговоров.

Российская система наказаний содержит в себе широкий спектр санкций, что в совокупности с детально проработанными в Общей части УК РФ правилами назначения наказания, позволяет достаточно полно индивидуализировать уголовную ответственность в каждом конкретном случае. Несмотря на это, судебная практика демонстрирует многочисленные ошибки применения уголовного закона и отступления от его требований из-за избыточного судебного усмотрения. Исключение из УК РФ нижних пределов наказаний во многих статьях Особенной части было призвано гуманизировать практику применения уголовных наказаний, но в действительности эта мера привела к тому, что

назначение наказания зависит не от характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, как того требуют общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ), а от умения судьи применять эти начала и заодно от других связанных с личностью судьи обстоятельств (уровня юридической квалификации, страха перед пересмотром приговора вследствие протеста прокурора из-за слишком «мягкого» наказания, возможных дисциплинарных последствий такого пересмотра и проч.) (Korobeyev, 2019:71—73). В качестве примера можно привести ч. 4 ст. 111 УК РФ, в соответствии с действующей редакцией которой за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, в качестве основного наказания может быть назначено только лишение свободы, но зато на срок от двух месяцев (нижний предел срока лишения свободы, установленный в ч. 2 ст. 56 УК РФ) до пятнадцати лет. Таким образом, судья, субъективно оценив общественную опасность преступления, личность виновного и прочие обстоятельства по делу, своим решением определяет меру наказания в очень широких рамках¹⁰, и здесь возникает вопрос о допустимости столь подобного простора для судебсого усмотрения.

Содействовать решению этой проблемы может специальное программное обеспечение, способное помочь судье в принятии решения по конкретному уголовному делу или и вовсе заменить его (но со столь революционными предложениями сейчас выступать, по меньшей мере, рано). Оно может включать в себя матрицу назначения наказаний и алгоритмы их индивидуализации (требования Общей части УК РФ по назначению наказания с учетом всех смягчающих и отягчающих обстоятельств, каждое из которых соответствует определенному числу «баллов» для удобства их «машинного» суммирования и проч.) и предлагать судье тот или иной наиболее подходящий (т. е. наиболее соответствующий формальным требованиям закона) в каждом отдельном случае вид наказания. Такое программное обеспечение берет на себя только некоторые полномочия судьи — наиболее важные вопросы оценки доказательств, определения виновности и так далее разрешает сам судья, т. е. его роль не умалается. Ограничивается лишь судебсое усмотрение в части определения вида и меры наказания (Alikperov, 2019:47—49), что видится вполне допустимым и даже целесообразным во избежание излишнего субъективизма судьи при назначении наказания (который может быть следствием как политизированности или произвола (Golik, 2019:24), так и тривиальной некомпетентности).

Развивая изложенные идеи, можно пойти немного дальше и предложить создание самообучающейся системы содействия правосудию, построенной на основе использования больших массивов информации и имеющей доступ не только к алгоритмам выбора вида и меры наказания, но также к архивам судебных решений и ресурсам Интернета в целом (т. е. системы, интегрированной с ГАС «Правосудие» и определенными интернет-ресурсами). Такая система могла

¹⁰ Обстоятельства, безусловно, могут быть разными, но трудно себе представить, что общественная опасность, например, «умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, совершенного группой лиц по предварительному сговору с применением оружия в отношении двух и более лиц по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды» может даже теоретически соответствовать строгости наказания в виде двух месяцев лишения свободы.

бы учитывать общественное мнение, выражаемое, например, в имеющих надлежащую репутацию средствах массовой информации или иных информационных сервисах, и формулировать свои рекомендации судье с учетом общественной опасности каждого конкретного деяния, определяя эту весьма неоднозначную характеристику преступления на основе вполне демократической цифровой процедуры.

Также уместно предположить, что такая система могла бы найти применение и в других видах судопроизводства, поскольку сама концепция самообучающейся системы с гибким алгоритмом учета данных позволила бы адаптировать ее к нуждам любого процесса.

Цифровые технологии в арбитраже

Рассматривая применение цифровых технологий в судопроизводстве на современном этапе развития общественных отношений, представляется целесообразным также уделить внимание их применению во внесудебных способах разрешения споров, одним из которых является арбитраж. В Российской Федерации этот вид внесудебного урегулирования споров до настоящего времени не использует весь свой потенциал, тогда как в зарубежной и международной практике он не только находит широкое применение, но и является одной из передовых площадок для апробации и внедрения цифровых технологий.

Согласно результатам исследования, проведенного в 2018 г. Лондонским университетом королевы Марии (Queen Mary University of London) совместно с юридической фирмой White & Case, 97 % респондентов назвали международный арбитраж предпочтительным методом разрешения споров как отдельно (48 %), так и в сочетании с иными внесудебными способами разрешения споров (49 %), причем большинство респондентов (61 %) считает, что одним из факторов, который, скорее всего, окажет значительное влияние на развитие международного арбитража, является повышение эффективности его процедуры за счет применения цифровых технологий (Friedland, 2018:2—3).

Одновременно с ростом числа трансграничных коммерческих сделок, совершаемых в электронной форме, расширяется и практика проведения онлайн-разбирательств, в том числе и с применением ИИ. Во многих странах прослеживается тенденция к оптимизации процедур разрешения споров, одним из способов которой является предоставление сторонам новых технологических возможностей для использования последних достижений электронного документооборота (Khraputsky & Silchenko, 2019:32).

Несколько лет назад, когда только появились первые научные публикации о применении цифровых технологий в арбитраже, многие специалисты относились к данному новшеству с известной долей скептицизма, полагая применение этих технологий несочетаемым с требованиями к обеспечению конфиденциальности и частным характером арбитража. Впрочем, со временем отношение к цифровым технологиям в арбитраже в целом улучшилось, хотя противники их применения встречаются до сих пор.

Использование цифровых технологий в арбитраже (как и сами эти технологии вообще) можно условно разделить на две категории (Qin, 2019). К первой категории относятся технологии, не участвующие в принятии решений или

прогнозировании результатов арбитража. В качестве примеров таких технологий можно назвать цифровые (онлайн) подписи, использование электронной почты участниками арбитража, заключение смарт-контрактов, подачу процессуальных бумаг и доказательств в электронной форме (п. 2 ст. 3 Арбитражного регламента ICC 2017 г.; п. 1 ст. 4 Регламента LCIA), проведение видеоконференций и проч.

Вторая категория включает в себя технологии для прогнозирования и определения результатов арбитража. К данной категории относится, например, сервис Arbitrator Intelligence, созданный для повышения гласности, подотчетности и разнообразия при назначении арбитра путем использования информации о ранее принятых решениях арбитров через отчеты Arbitrator Intelligence¹¹. Следует отметить, что данный сервис используется все более интенсивно и в обозримом будущем будет применяться для формирования составов третейских судов по всему миру.

Применение цифровых технологий дает несколько преимуществ по сравнению с традиционной формой проведения арбитража, как, например, комфорт участников соответствующего процесса, повышение его качества, уменьшение затрат на проведение арбитража и повышение скорости рассмотрения споров. В отдельных странах мира постепенно получает распространение использование электронных доказательств (e-discovery)¹².

Существуют также специализированные «кибер-учреждения», которые проводят арбитраж полностью в онлайн-формате (так называемый онлайн-арбитраж). Это, например, e-court в Нидерландах и ODR Europe в Греции, CyberJustice в Канаде, СИТАС в Китае и проч. Специальные онлайн-платформы также используют и обычные арбитражные учреждения, такие как, например, Лондонский международный третейский суд (ст. 1.2, 1.3 и 2.3 Арбитражного регламента LCIA), Венский международный арбитражный центр¹³, Международный арбитражный центр Гонконга¹⁴, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, Российская арбитражная ассоциация¹⁵, Российский арбитражный центр и проч.

Следует отметить, что хотя онлайн-арбитраж имеет вполне очевидные достоинства и достаточно широко применяется, некоторые его основные начала недостаточно урегулированы. В первую очередь это касается формы и исполнения арбитражного соглашения. Статья II (2) Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (Нью-Йоркская конвенция) предусматривает письменность соглашения сторон о передаче

¹¹ Rogers, C.A. (2018) Arbitrator Intelligence: The Basics. Kluwer Arb. Blog, Available at: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/02/27/ai-3/> [Accessed 20th May 2020].

¹² Подпункт «а» п. 3 ст. 3 Правил Международной ассоциации юристов по получению доказательств в международном арбитраже 2010 г.; ст. 4.7 Правил эффективной организации процесса в международном арбитраже (Пражских правил).

¹³ Арбитражный регламент VIAC 2018 г. среди прочих нововведений предусматривает администрирование арбитражных дел в электронном виде (ст. 7, 12 и 36).

¹⁴ Согласно п. «е» ст. 3.1 Арбитражного регламента НКІАС стороны могут договориться о подаче документов посредством защищенной онлайн-платформы — новшество, предусмотренное Арбитражным регламентом НКІАС 2018 г.

¹⁵ Хотя данная ассоциация была первой в России, которая приняла Регламент для проведения арбитража онлайн, на данный момент она не администрирует споры до получения разрешения Правительства Российской Федерации.

споров в арбитраж. В то же время многие национальные законы, регулирующие арбитраж (например, в Германии, Франции, Австрии, Швейцарии, России и проч.), дополнили требование, предусмотренное Нью-Йоркской конвенцией, допустив электронную форму соглашения. Судебная практика также свидетельствует о достаточно вольном толковании данного требования. Например, в деле «*Compagnie de Navigation et Transports SA v MSC Mediterranean Shipping Company SA*» Верховный суд Швейцарии счел, что «обмен письмами или телеграммами» может осуществляться любыми средствами связи, и это не противоречит ст. II (2) Нью-Йоркской конвенции¹⁶.

При проведении онлайн-арбитража решение принимается так же в электронной форме. В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. IV Нью-Йоркской конвенции для признания и приведения в исполнение арбитражного решения оно должно быть надлежащим образом заверено. Если национальное законодательство того государства, на территории которого испрашивается признание и приведение в исполнение арбитражного решения, не допускает электронную форму такого решения как равнозначную письменной, исполнение решения может быть затруднительным (а в сущности, вовсе невозможным). Чтобы избежать подобных затруднений, арбитрам, как представляется, следует направлять сторонам заверенную копию решения на бумажном носителе, которое в любой национальной юрисдикции будет принято как подлинник соответствующего документа.

Одной из наиболее актуальных проблем в области арбитража в настоящее время считается применение искусственного интеллекта. Здесь можно выделить следующие вопросы: возможность замены человека-арбитра ИИ; регулирование применения ИИ в арбитраже нормативными правовыми актами; исполнимость решений ИИ; потенциал применения ИИ в арбитраже.

Формально ни один национальный закон, регулирующий арбитраж, прямо не запрещает назначение ИИ (т. е. соответствующего программного обеспечения) в качестве арбитра (Kasa, 2019:172). В нормативных определениях «третейского суда» также говорится лишь о свободе сторон назначать арбитров. Например, раздел 3 Гражданского процессуального кодекса Швейцарии и глава 12 Закона о международном частном праве не дают определение «арбитра» или «третейского суда» и не содержат требований о том, что арбитр обязательно должен быть «человеком». Не содержит такого требования и австрийское законодательство. В то же время в п. 1 ст. 16 Венского регламента международного арбитража дано определение «арбитра», под которым понимается любое физическое лицо (*person*), имеющее полную правоспособность и способное выступать в качестве арбитра, если стороны не договорились о каких-либо конкретных дополнительных квалификационных требованиях. Похожее определение закреплено также во французском законодательстве: «Только физическое лицо, обладающее полной способностью осуществлять свои права, может выступать в качестве арбитра» (ст. 1450 Гражданского процессуального кодекса). В России Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской

¹⁶ Решение Верховного суда Швейцарии (BGE 121 III 38, 44, E. 2 с.). Режим доступа: http://relevancy.bger.ch/php/clir/http/index.php?highlight_docid=atf%3A%2F%2F121-III-38%3Afr&lang=fr&type=show_document (дата обращения: 20.05.2020).

Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ четко определяет, что арбитр (третейский судья) — это физическое лицо, избранное сторонами или избранное (назначенное) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом.

При этом согласно принципу свободы сторон как одному из основных принципов арбитража стороны имеют право сами выбрать своих арбитров, в том числе они должны иметь возможность определить и его «природу», т. е. выбрать между арбитром-человеком и арбитром-машиной (Kasa, 2018: 79). Но как следует из приведенного обзора законодательства, подобное в настоящее время допускается не во всех странах.

Представляется, что арбитр-машина имеет определенные достоинства. Прежде всего, программное обеспечение с ИИ априори беспристрастно и свободно от предвзятости. Проведено большое число исследований по психологическим аспектам принятия решений и влиянию на этот процесс бессознательных когнитивных искажений, свойственных человеку. Одним из таких искажений является, например, «эффект привязки» (anchor-effect) (Scherer, 2019:510), характеризующий возможность принятия решения по некоему вопросу на основе имеющихся данных до того, как соответствующий вопрос будет надлежащим образом проанализирован.

Программное обеспечение с ИИ также свободно от ряда других сугубо «человеческих» факторов, которые могут влиять на принятие решений человеком. Такими факторами являются, например, отсутствие новейших знаний (в том числе и в области права; арбитр-машина, в свою очередь, способен обновлять свои базы данных автоматически), усталость и даже голод — согласно исследованию, проведенному среди израильских судей в 2010 г., приговоры были тем строже, чем голоднее был судья (число благоприятных решений постепенно снижалось с примерно 65 % практически до нуля с утра и до момента ухода на обеденный перерыв, возвращаясь к исходным 65 % после утоления голода) (Danziger & Levay & Avnaim-Pesso, 2011:6889—6892).

С другой стороны, решение, принятое программным обеспечением с ИИ, может не исполняться из-за нарушения публичного порядка арбитрами-машинами, лишенными сочувствия и способности объяснить свое решение, причем последнее является существенным требованием во многих юрисдикциях. Так, Общий регламент Европейского Союза по защите персональных данных запрещает автоматизированные решения, если их алгоритмы не могут быть впоследствии объяснены их пользователям, имеющим безусловное «право на объяснение».

Но в то время, пока наука изучает возможность замены арбитров программным обеспечением с ИИ, практики нередко используют такое программное обеспечение в процессе разрешения споров и используют его, как минимум, тремя способами. Во-первых, программное обеспечение с ИИ может применяться для обработки и анализа больших массивов данных. Во-вторых, это программное обеспечение может использоваться как инструмент для поиска и тематического подбора судебной практики, законодательства и тематических научных работ. В-третьих, программное обеспечение с ИИ может прогнозировать результаты арбитража.

Последний способ практического применения программного обеспечения с ИИ представляет, по нашему мнению, наибольший интерес и является крайне перспективным. В 2016 г. было проведено исследование, в рамках которого были отобраны и подвергнуты компьютерному анализу отдельные решения Европейского суда по правам человека (по ст. 3, 6 и 8 Европейской конвенции о правах человека). Первичной задачей специально разработанной программы был поиск взаимосвязей между содержащимися в решениях ЕСПЧ словами, их последовательностями и кластерами с результатами рассмотрения конкретных дел. Далее для проверки возможностей программы по прогнозированию исхода дел ее алгоритмы были применены к другим делам, ранее не внесенным в программу и, следовательно, не известным ей. Точность полученных в результате прогнозов составила 79 % (Aletras & Tsarapatsanis & Preotiuc-Pietro & Lampos:2016).

В 2017 г. было проведено другое исследование, касающееся решений Верховного суда США. Для данного исследования компьютерной программе и экспертам (ведущим ученым, некоторые из которых имели с опыт работы в аппарате Верховного суда США) предоставили данные определенных дел с 1994 по 2002 г., а затем попросили предсказать результаты шестидесяти восьми «контрольных» разбирательств. Точность прогноза экспертов, анализировавших дела в своей «профильной» области, составила 59 %, тогда как прогноз программы оказался верным в 70 % случаев. Показатель результативности прогноза программного обеспечения с ИИ в данном исследовании оказался несколько ниже, чем в исследовании решений ЕСПЧ, но это объясняется тем, что в данном случае анализ затрагивал все отрасли права, по которым Верховный суд США принимает решения¹⁷.

Однако в арбитраже использование подобного программного обеспечения с ИИ представляется затруднительным, и одним из очевидных препятствий здесь является конфиденциальность — доступ к решениям арбитража получить намного сложнее, чем к решениям ЕСПЧ или Верховного суда США и прочих аналогичных судебных инстанций.

По нашему мнению, программное обеспечение с ИИ не должно полностью заменить человека-арбитра, но это не означает, что оно неприменимо в арбитраже. Арбитры могут использовать соответствующие программы для организации и анализа материалов дел, поиска подходящих прецедентов и даже подбора возможных аргументов, которые могут быть использованы для разрешения спора, т. е. интеллектуальные цифровые технологии могут содействовать арбитрам в принятии решений, но не должны их полностью заменять. Например, в конце 2019 г. в Гонконге начал действовать центр электронного арбитража и посредничества в сфере электронного бизнеса (eBRAM), использующий программное обеспечение с ИИ для автоматического перевода и обработки текста и прочих задач.

В практике зарубежных стран встречается и другой, заслуживающий внимания подход. Так, во Франции законодатель последовательно продвигает

¹⁷ Moorhead, R. (2017) Lawyers learning about prediction. Lawyer Watch. Available at: <https://lawyerwatch.blog/2017/01/19/lawyers-learning-about-prediction/> [Accessed 20th April 2020].

использование программного обеспечения с ИИ для разрешения споров в Интернете, в особенности мелких и повторяющихся дел¹⁸. Данный подход позволяет не только упростить разрешение соответствующих споров, но и дополнительно урегулировать применение цифровых технологий во избежание злоупотреблений.

Цифровые технологии в медиации

Помимо арбитража не чужда применения цифровых технологий и медиация — один из наиболее перспективных способов внесудебного урегулирования споров среди граждан и предпринимателей, который может, к тому же, стать обязательным элементом досудебного порядка урегулирования споров. В Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ медиация определяется как способ урегулирования конфликтов при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Следовательно, к числу базовых принципов медиации как процедуры урегулирования споров можно отнести обязательное участие в ней сторон спора и посредника, а также ее направленность на выработку компромиссного решения.

Применение цифровых технологий и, прежде всего, их «неинтеллектуальной» разновидности способно существенно упростить процедуру медиации. Стороны спора могут находиться на большом удалении друг от друга (как в пределах одной страны, так и в разных странах), либо вследствие тех или иных причин (например, занятости или болезни) оказаться лишены возможности принять участие в традиционной очной процедуре. Использование таких цифровых технологий, как, в частности, аудио- и видеоконференц-связь, электронная почта и различные чаты, позволяет сторонам и медиатору участвовать в процедуре медиации без необходимости личной встречи (Nimikus, 2016:102—104).

Но при проведении процедуры медиации с использованием подобных технологий необходимо решить проблему верификации личности сторон спора и обеспечить защиту их персональных данных. Кроме того, в настоящее время российское законодательство не предусматривает возможность заключения медиативного соглашения в цифровом виде — даже с использованием электронной подписи (ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ), что существенно ограничивает возможности применения онлайн-медиации.

Будучи посредником, медиатор помогает участникам процедуры медиации выйти из стрессового или конфликтного состояния, стремится установить и устранить причину спора и найти оптимальное для всех сторон решение, нейтрализуя эмоциональную составляющую. При этом медиатор производит ряд действий, как то обмен информацией со сторонами, выявление проблемы, определение интересов сторон, поиск точек их соприкосновения и наиболее подходящего выхода из сложившейся ситуации.

¹⁸ LOI n° 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2019/3/23/JUST1806695L/jo/texte> [Accessed 14th September 2020]; Décret n° 2019-1089 du 25 octobre 2019 relatif à la certification des services en ligne de conciliation, de médiation et d'arbitrage. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000039281664&dateTexte=20200322> etc [Accessed 14th September 2020].

Процедура медиации также включает в себя обмен встречными предложениями и аргументами между сторонами, определение обстоятельств, имеющих значение для урегулирования спора и, наконец, составление медиативного соглашения. Все эти действия, как представляется, могут осуществляться при помощи цифровых технологий (в первую очередь, в области связи), однако замена медиатора-человека программным обеспечением с ИИ едва ли возможна.

Медиатор должен быть беспристрастен и стараться обеспечить эмоционально комфортные условия для сторон спора. Компьютерная программа предельно беспристрастна и лишена собственных эмоций, но на современном уровне развития цифровых технологий она так же неспособна в полной мере учесть эмоции сторон и помочь им найти компромиссное решение. В процедуре медиации немаловажными являются именно психологические факторы взаимодействия сторон, работать с которыми может лишь медиатор-человек, поэтому применение программного обеспечения с ИИ в медиации рассматривать по меньшей мере преждевременно.

Медиация может проводиться без непосредственной встречи медиатора и сторон в онлайн формате, и такая ее разновидность наиболее распространена в США и европейских странах (так называемый ODR — «online dispute resolution»). Онлайн-медиацию используют для разрешения широкого круга споров, возникающих в предпринимательской деятельности, семейных отношениях, в сфере онлайн-торговли и проч.

Так, например, в ходе работы международной электронной торговой платформы eBay зачастую возникают конфликты, связанные с несвоевременностью доставки, повреждением товара, его несоответствием заявленным спецификациям и так далее. Такие споры требуют оперативного (и, разумеется, эффективного) урегулирования, и, если покупателю и продавцу не удалось уладить спор самостоятельно, платформа eBay предоставляет возможность использовать ресурс «Square-Trade», где стороны дают согласие на участие в процедуре медиации по спору и тогда дальнейшее обсуждение вопроса происходит на электронной площадке при непосредственном участии профессионального медиатора¹⁹.

Похожая процедура предусмотрена и в сервисе онлайн-платежей PayPal, который хотя и не является самостоятельной торговой площадкой, но предлагает инструменты защиты прав покупателей и посреднические услуги в урегулировании споров.

Проблема разрешения споров в сфере электронной торговли является весьма актуальной и в Российской Федерации. 30 мая 2019 г. Министерство юстиции РФ заявило о начале разработки законопроекта, направленного на регулирование механизма защиты прав потребителей (в том числе и в сфере электронной торговли) посредством онлайн-медиации²⁰. Этот законопроект, как

¹⁹ Грибков А. Онлайн медиация как современный способ решения конфликтов // Право.ru. 2019. Режим доступа: <https://blog.pravo.ru/blog/33847.html> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁰ Минюст начал разработку законопроекта об урегулировании споров в Интернет-торговле // Международная информационная группа «Интерфакс». Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/662652> (дата обращения 20.05.2020).

представляется, создаст нормативную основу для онлайн-медиации, которая в России в настоящее время недостаточно развита. Во многом это объясняется тем, что и традиционные формы медиации в России до настоящего времени не столь востребованы, как, например, в США и европейских странах, а само понятие онлайн-медиации в российском законодательстве не закреплено, что порождает необходимость его разработки и утверждения на законодательном уровне.

Несмотря на отсутствие законодательного регулирования, в Российской Федерации существуют онлайн-сервисы, предлагающие медиативные услуги, среди которых можно выделить, например, сервис 7яМедиация²¹, созданный организацией «Сибирский Центр медиации»²². Эта онлайн-платформа разработана для разрешения семейных конфликтов посредством медиации, в предлагаемых ей процедурах используются веб-камеры и автоматическое протоколирование, а также иные применимые в медиации цифровые технологии. Впрочем, используется этот сервис достаточно редко — по данным сайта, который в последний раз обновлялся в 2018 г., за предлагаемыми медиативными услугами обратилось всего сто двадцать лиц, а общее число консультаций, предоставленных через сайт, составило пятьсот сорок шесть.

Можно сказать, что институт онлайн-медиации в Российской Федерации находится на самом раннем этапе своего развития. В настоящее время нецелесообразно говорить о перспективах применения в медиации цифровых технологий с ИИ, поскольку сама эта процедура недостаточно известна (и понятна) ее потенциальным потребителям, нуждается в совершенствовании и дальнейшей проработке, притом как на законодательном уровне, так и на уровне технического обеспечения. Следует, как представляется, создать платформу (возможно, единую для всех медиаторов в Российской Федерации, предлагающих услуги урегулирования споров онлайн), которая позволяла бы заинтересованным в проведении процедуры медиации сторонам, во-первых, ознакомиться со значением и порядком проведения соответствующей процедуры, а во-вторых, найти подходящего специалиста-медиатора, который мог бы оказать им помощь как онлайн, так и, при необходимости, в традиционном офлайн-формате.

Подобные платформы существуют в зарубежных странах. Например, одна из них позиционируется как международная предоставляет возможность выбрать медиатора для получения посреднических услуг по урегулированию спора онлайн в любой стране мира²³. Однако если из США, где данная платформа и была разработана, здесь зарегистрированы и предлагают свои медиативные онлайн-услуги сто пятьдесят шесть медиаторов, специализирующихся на одних лишь спорах, связанных с сексуальными домогательствами, то при поиске российских медиаторов по всем категориям споров, система предлагает контакты лишь трех специалистов (один из которых имеет офис в Москве, а остальные лишь могут оказывать медиативные услуги клиентам из России, тогда как

²¹ 7яМедиация. Режим доступа: <https://family.emediator.ru/> (дата обращения 20.05.2020).

²² Сибирский Центр медиации. Режим доступа: <https://www.emediator.ru/> (дата обращения 18.06.2020).

²³ Online Mediators. Available at: <https://www.onlinemediators.com/index.cfm> [Accessed 20th May 2020].

их офисы находятся в Анкаре (Турция) и Дубае (Объединенные Арабские Эмираты); последние двое также попадают в список медиаторов, работающих с клиентами из ряда других стран).

Заключение

Представляется, что полностью перепоручать правосудие и внесудебные формы разрешения споров искусственному интеллекту нельзя, сколь бы совершенен он не был. Развитие ИИ открывает перед человечеством колоссальные возможности, однако оно несет в себе и риски, связанные с гипотетической несовместимостью «цифрового расчета» с человеческими чувствами и эмоциями, чуждыми машине. Поэтому интеллектуальные системы и программы должны лишь оказывать содействие человеку в отправлении правосудия и реализации различных форм урегулирования споров, а не подменять его. Автономия таких систем и программ должна быть строго ограничена и подчинена формализованным правилам, которые еще предстоит разработать (возможно, даже руководствуясь творчеством Айзека Азимова).

Но это касается только «интеллектуальной» разновидности цифровых технологий, тогда как остальные виды данных технологий повсеместно применяются и будут применяться впредь, в том числе и в юридической практике. Следует отметить, что в 2020 г. достоинства цифровизации стали более чем очевидны. Пандемия Covid-19 буквально вынудила как государственные, так и частные структуры внедрять в свою деятельность применение онлайн-сервисов и соответствующих возможностей. Некоторые арбитражные учреждения, в том числе Арбитражный суд Международной торговой палаты, уже приняли соответствующие документы для проведения онлайн-слушаний²⁴. Также вследствие санитарных ограничений из-за пандемии Высокий суд в Лондоне впервые транслировал виртуальный судебный процесс на YouTube по делу *National Bank of Kazakhstan & Another v The Bank of New York Mellon & Ors*²⁵.

После продолжительного периода жизни практически всего мира в условиях «коронавирусных ограничений» подобных примеров можно привести немало. По прошествии еще некоторого времени, когда накопится достаточный объем материала для анализа и обобщения результатов, уместно будет поставить вопрос о сохранении цифровых практик в судопроизводстве и внесудебном урегулировании споров вообще, а не только на период глобального карантина и подобных ему чрезвычайных ситуаций. По нашему мнению, пандемия лишь ускорила и без того стремительно идущий процесс внедрения цифровых технологий в судопроизводство и внесудебное урегулирование споров, обусловленный необходимостью сократить издержки на соответствующие процедуры со стороны как граждан и организаций, так и государства, а также повысить комфорт всех участников этих процедур.

²⁴ ICC Guidance Note on Possible Measures Aimed at Mitigating the Effects of the COVID-19 Pandemic. Available at: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2020/04/guidance-note-possible-measures-mitigating-effects-covid-19-english.pdf> [Accessed 30th May 2020].

²⁵ The High court of Justice Queen's Bench division commercial court. Case No: FL 2018 000007. Available at: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/04/FL-2018-000007-Kazakhstan.pdf> [Accessed 30th May 2020].

References / Список литературы

- Alexandrov, A.S. (2018) Russian Criminal Procedure Dogmatism or the Digital World: What Will Win? *The Legal Truth in Criminal Law and Process*. Saint Petersburg, Petropolis Publ. pp. 24—34. (in Russian).
Александров А.С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 16—17 марта 2018 г. / под общ. ред. К.Б. Калининского, Л.А. Зашляпина. СПб.: Петрополис, 2018. С. 24—34.
- Alexandrov, A.S. (2018) The Problems of the Theory of Criminal Procedural Proof, Which Must Be Solved in Connection With the Transition to the Digital Age. *Judicial Authority and Criminal Procedure*. (2), 130—139. (in Russian).
Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130—139.
- Aletras, N., Tsarapatsanis, D., Preoțiu-Pietro, D. & Lampos, V. (2016) Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective. *PeerJ Computer Science* 2:e93. Available at: <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93> [Accessed 20th May 2020].
- Alikperov, Kh.D. (2019) *Computer program for determining punishment*. Baku, 47—49. (in Russian).
Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. Изд. 2-е, доп. Баку, 2019. С. 47—49.
- Baranov, A.M. (2019) Electronic Evidence: Illusion of the Criminal Process of the 21st Century. *Russian Journal of Criminal Law*. 13, 64—69. (in Russian).
Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64—69.
- Danziger, Sh., Levav, J. & Avnaim-Pesso, L. (2011) Extraneous factors in judicial decisions. *PNAS*. 108 (17), 6889—6892. Available at: <http://www.pnas.org/content/108/17/6889> [Accessed 20th May 2020].
- Friedland, P. (2018) 2018 International Arbitration Survey: The Evolution of International Arbitration. 2—3. Available at: <https://www.whitecase.com/sites/whitecase/files/files/download/publications/qmul-international-arbitration-survey-2018-19.pdf> [Accessed 20th April 2020].
- Golik, Yu.V. (2019) Search of Measure. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 1 (52), 23—25. (in Russian).
Голык Ю.В. Поиск меры // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (52). С. 23—25.
- Himikus, E.I. (2016) Selected issues of legal regulation of online mediation. *Modern law*. (2), 102—104. (in Russian).
Химикус Е.И. Отдельные вопросы правового регулирования онлайн медиации // Современное право. 2016. № 2. С. 102—104.
- Kasa, I. (2019) *Legal regulation of the activities of the arbitration tribunal in the Russian Federation and in the Swiss Confederation: comparative legal study*. Diss. ... cand. legal of sciences. Moscow, RUDN University. (in Russian).
Каса И. Правовое регулирование деятельности третейского суда в Российской Федерации и в Швейцарской Конфедерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. 210 с.
- Kasa, I. (2018) Novella in the formation of the arbitration tribunal: can a robot replace a human arbiter? *Eurasian Advocacy journal*. 2 (33), 77—81. (in Russian).
Каса И. Новеллы в формировании третейского суда: может ли робот заменить человека-арбитра? // Евразийская адвокатура. 2018. № 2 (33). С. 77—81.

- Korobeyev, A.I. (2019) Expert opinion on the electronic system for determining the optimal measure of punishment presented by a doctor of legal sciences, Professor Kh.D. Alikperov. Baku, 71—73. (in Russian).
Коробеев А.И. Экспертное заключение об электронной системе определения оптимальной меры наказания, представленной доктором юридических наук, профессором Х.Д. Аликперовым // Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. Изд. 2-е, доп. Баку, 2019. С. 71—73.
- Khraputsky, A. & Silchenko, V. (2019) The possibility of using online Arbitration (for example, in some countries of the post-Soviet space). *Arbitration.ru*. 10 (14), 32—38. (in Russian).
Храпуцкий, А., Сильченко, В. Возможность применения онлайн-арбитража (на примере некоторых стран постсоветского пространства) // *Arbitration.ru*. 2019. № 10 (14). С. 32—38.
- Mitchell, M. (2019) *Artificial Intelligence: A Guide for Thinking Humans*. New York, Farrar, Straus and Giroux. Available at: <https://books.google.ru/books?id=65iEDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> [Accessed 20th April 2020].
- Pastukhov, P.S. (2015) Electronic Evidence in Criminal Proceedings. *Tomsk State University Journal*. (396), 149—153. (in Russian).
Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149—153.
- Scherer, M. (2019) International Arbitration 3.0 — How Artificial Intelligence Will Change Dispute Resolution. *Austrian Yearbook on International Arbitration 2019*. pp. 503—514. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3377234> [Accessed 20th May 2020].
- Tegmark, M. (2017) Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence. *New York: Penguin Random House*, 39. Available at: https://books.google.ru/books?id=3_otDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false [Accessed 20th April 2020].
- Thompson, D. (2015) Creating New Pathways to Justice Using Simple Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution. *International Journal of Online Dispute Resolution*. 1 (2). Available at: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/olsrps/152> [Accessed 20th April 2020].
- Qin, Zh. (2019) The Use of New Technologies in International Arbitration. *The American Review of International Arbitration*. Available at: <http://aria.law.columbia.edu/the-use-of-new-technologies-in-international-arbitration/> [Accessed 20th April 2020].
- Zuev, S.V. (2018) Electronic Criminal Case: For and Against. *Law and order: history, theory, practice*. 4 (19), 6—12. (in Russian).
Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6—12.
- Voronin, M.I. (2019) Electronic Evidence in the Criminal Procedure Code: to Be or not to Be? *Lex Russica*. 7 (152), 74—84. (in Russian).
Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152). С. 74—84.
- Valeev, D.Kh. & Nuriev A.G. (2019) Electronic Document Flow in the Field of Justice in the Digital Economy. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. (45), 467—489. (in Russian).
Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 467—489.
- Vlasova, S.V. (2018) Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality. *Criminalist Library. Scientific Journal*. (1). Available at: <https://www.iuaj.net/node/2433> [Accessed 20th April 2020]. (in Russian).
Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. Режим доступа: <https://www.iuaj.net/node/2433> (дата обращения: 20.04.2020).

Voskobitova, L.A. (2019) Criminal Justice and Digital Technology: Compatibility Issue. *Lex Russica*. 5 (150), 91—104. (in Russian).

Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex Russica*. 2019. № 5 (150). С. 91—104.

Об авторах:

Добряков Денис Андреевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-код: 7147-4646

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Каса Ильда — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0003-3805-7371; SPIN-код: 1487-1724

e-mail: kasaildar@gmail.com

Сухоставская Юлия Валерьевна — старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-2398-7712; SPIN-код: 8107-1257

e-mail: kloffka@mail.ru

About the authors:

Denis A. Dobryakov — Candidate of Legal Sciences (PhD), senior lecturer of Department of Judicial Power, Law-Enforcement and Human Rights Activities, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID ID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-code: 7147-4646

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Ilda Kasa — Candidate of Legal Sciences (PhD), senior lecturer of the Department of Judicial Power, Law-Enforcement and Human Rights Activities, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID ID: 0000-0003-3805-7371; SPIN-code: 1487-1724

e-mail: kasaildar@gmail.com

Yuliia V. Sukhostavskaya — senior lecturer of the Department of Judicial Power, Law-Enforcement and Human Rights Activities, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID ID: 0000-0002-2398-7712; SPIN-code: 8107-1257

e-mail: kloffka@mail.ru